

Кто сегодня из живущих русской литературой не знает поэта-пермяка Игоря Тюленева? Все знают! И не просто знают, но и в обязательном к нему отношении: либо любят, либо терпеть не могут.

Это отношение не зависит ни от расстояния до объекта отношений, ни от долготы знакомства, ни от плотности общения с ним. Потому что это отношение не к конкретному человеку, а к общественному явлению. Или даже природному.

Зевсоподобный внешне, Игорь и внутренне громокипящий, бурлящий бражником восторгом живой плоти. Потому даже в свои луноседые шестьдесят он молодой, и, кажется, что останется таковым ещё на шестьдесят, ибо эту бродящую и бродячую натуру нельзя помещать в меха ветхие.

Я живу, как страна, наугад.
И не ведаю слово «запрет».
Достоевским я не ужас,
А разобран, как велосипед.

Вправо катится колесо,
Как отеческий алфавит...
Слева сердце — ему хорошо!
В богатырской груди не лежит.

Ну, а ежели лук смастерить,
А потом натянуть тетиву?
Можно в небо глагол запустить,
Рукавицу иль булаву.

С неба сыплется виноград,
Значит, в кущах райский бред.
Ставит свечку Тюленев-брат!
Смотрит в небо Тюленев-поэт!

Эта вот неразделимость брата-поэта как буяна-баяна в русской неужатости: когда человек точно не знает, то ли ему свечку поставить, то ли запустить в небо рукавицей — а как настрой пойдёт! — зачастую мешаёт рассматривать Игоря Тюленева именно как поэта, как стихотворца. Так точно невозможно читать Дениса Давыдова — от одного только имени, слышающего перед глазами портрета склонного к полноте усатого гусара в белых лосянах и при сабле.

Вот и Игорь своей «мажорностью» в причёске, в национально-гражданском и поэтическом патриотизме равно впечатляющ, что и мешаёт читать его книги «вслепую», читая только «что» и

«как», без примешательства личности автора.

Я, как солдат, побрился шилом.
На мне тельняшка, как броня.
Свет торком пробежал по жилам,
В простоту русские мажоры.

И я пошёл за ним по миру,
Взял ускользящую нить...
Сорвал с музейной полки лиру,
Чтоб женщин с песнями любить!

Сначала был для всех хороший.
Потом я стал для всех плохой!
Стакой-то знаменитой ношей?
Стакой-то лирой, Боже мой!..

Может ли такой человек не вторгаться в самую гущу событий, пропускать мимо себя бури, пожары, бунты и наводнения, может ли проспать энтузиазм БАМа, распад СССР, расстрел парламента, сдачу русского Кавказа или расположение гельмановской мерзости? Говорить в лицо, говорить во весь голос о том, что восхищает или корбит, что, по его искреннему убеждению, навсегда хорошо или навсегда плохо — кредо Тюленева, и потому его либо любят, либо не терпят.

А ему комфортно в этом предельно контрастном мире, да по-другому он и не смог бы двигаться по жизни, он просто ослеп бы в переливах полутонов и рефлексов, увяз-утонул бы в податливости, в несопротивляемости материи. Ведь «рос в тайге, а там тайга — закон! И если ты слабак, то могут сползать». И потому:

Потому что мне стыдно
за сырых и бедных,
За доверчивых, чистых,
наивных, простых.
Не сдаётся поэт,
он обязан быть вредным.
Костыльём в глотку дурня
вбивать русский стих!

Таков он, вредный пермяк Игорь Тюленев, что мимо не пройдёшь, не забудешь — «нам Кама вместо Иордана». Однако есть ли в этой неразбираемости баяна и буяна некая искусственность, некая игра? Конечно! Только игра эта чистосердечная. Ему нравится нравиться, иначе не стал бы поэтом. Да, может быть, слишком мажорным, слишком размашистым, много внешним. Но кто знает с Игорем достаточно количество лет, тому нетрудно перейти эту буйность, преодолеть внешнюю бравадность, чтобы разглядеть истинную природу его творчества. И любому опыт подсказывает: под звонкой кимвальской брутальностью всегда прячется некогда кем-то или чем-то пораненная нежность. Шинкастая царапающая корка панциря — оболочка, под которой смертная незащищённость.

Какой сегодня в окна звездопад!
Сбежим от домохозяев на веранду?
Ты видишь, тучка миллион награда
С груди срывает космоса-гиганта!

Набросим плед и в креслах поплывём,
Качаясь в самом центре мироздания...
Мы никуда отсюда не уйдём,
Божественное чувствуя дыханье.

И где тут гусар, склонный к полноте и при сабле? А далее и совсем не боевое, небуйное, вилуку:

Не обижайте малышей,
Они воркуют, словно птицы.
Их ангелоподобны лица
В лучах цветных карандашей.

Тюленевская замаячная тайна — его раннее сиротство.

Мать, мама, матушка моя...
...Под сенью русского креста
Навеки скованы уста.
Ты не прочтёшь моё посланье,
Я не услышу голос твой,
Ушла ты в землю молодой,
Оставив небесам рыданье.

Слишком рано Игорю пришлось осознать свою крайность в роде. Рано пришлось отстаивать себя, отстаивать своих, отстаивать собой. Тут-то и стали потребны упёртость и нахрапистость, отсюда появился прятущий слезинку, вызывающий сожур и быстрее мысли кулак.

В родительском доме
Не жить мне и дня.
В родительском доме
Чужая родня.
Чужие портреты
Висят на стене.
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом.
И странно мне с ними
Быть в доме своём.

«Странно» — слово-ключ. Да как же было мальчишке в противоестественной его незащищённости не загореть, не загорыть, не загорыть? Да что б ни у кого из «чужих» и мысли не мелькнуло, что ему «странно». Зато много позже, когда уже вся Россия оказалась родительским домом, заполненным чужими заветами, когда сиротами осознали себя все по-русски доверчивые, чистые, наивные, простые, когда наступило вселенское сиротство и, ох, поплыли по русской литературе сладострастные плачи и причитания, засуетились старческие истерики, затряслись немощные проклятия и обиды. Пропало, всё как-то разом пропало: и

деревня, и космос, да и сама русская литература кончилась...

Вот тут-то он, имеющий страшный недетско-детский опыт стояния на своём, буян, а теперь известный русский баян, он, Игорь Тюленев, встал на своё, Богом ему уготованное место. Встал, навсегда моложавый в бурлящей таёжно-пермяцкой неужатости, в судьбой выстраданном праве быть слишком мажорным, слишком размашистым, много внешним:

Молчанье — золото,
Да не могу молчать.
Привык рубить сплеча
И обличать.

Покуда меток глаз
И твёрд хребёт,
Бью без разбора,
Алетиях — влёт.

Ведь эти твари
Тоже не молчат.
На перекрётках мировых
Кричат.

На родину любимую
Рычат.
Срезаю их,
Как шляпки у опят.

Какой уж есть,
И мой глагол — кремень!
Дружи, не хочешь —
Не дружи со мной.

Я всё сказал,
И мой глагол — кремень!
Как в тьме кромешной
Новый русский день.

Василий ДВОРЦОВ

Витязи одиночного плавания

На Крещение, 19 января, на сцене Колонного зала Дома Союзов в Москве, посреди бушующего океана людских рукоплесканий скромно стоял «молодой человек среднего поколения», не сознавая того, что он — витязь земли русской с простым русским именем Михаил Иванович, а я поистине испытывала нахлывающую на меня радость жизни.

В этот день, в день своего юбилея, прямо на сцене герой «Одиночного плавания» получил от жизни самый дорогой подарок — свои собственные книги. Его многолетний труд раскрылся на 1150 страницах, обернулся в красивый жёсткий переплёт двухтомника и золотыми буквами сообщил своё название: Михаил Ножкин. «Точка опоры» и «Будь человеком». «В радости и в беде, в праздности и в труде, свой выбирая путь, будь человеком, будь!»

Ну вот, кажется, и всё. Он счастлив. Он стоит на вершине успеха, и я радуюсь за него. Я тоже счастлива, что смогла послужить этому русскому витязю, что приняла участие в творческом плавании по волнам его памяти; что и я вложила частичку своей души в нелёгкий труд писателя и поэта...

Да, я получила Божий дар быть рядом с близким мне по духу человеком, с народным человеком, с

живым классиком великой родины, которая помнит и любит его. Много лет назад он объяснил ей в любви. «Я люблю тебя, Россия! — сказал он ей. И теперь я вижу, как и чем она отвечает ему. Я вижу это в поездках по разным городам вместе с Михаилом Ивановичем.

Мне кажется, что Россия — это не просто одна страна. Россия — это материк, охватывающий половину земного шара, на котором живут люди разных национальностей, но русские по духу. Мне кажется, что мир разделён на две части: на тех, кому Россия дорога, и тех, кто всегда видит в ней врага... Вот поэтому первая часть земного населения понимает и принимает Михаила Ножкина, а вторая — нет, в том числе и в самой России, к сожалению.

Конечно, любить родину надо не словами, а делами. Но именно здесь, в делах, в трудах и проявляется русский витязь Михаил Иванович. Его творения объединяют народы. Его песни звучат в дальних странах, в морях и океанах, на войне и в мире. Его песни поют даже многие представители высшего духовенства разных православных церквей. Да-да, я в этом убедилась лично...

Прошлой осенью я побывала с ним на Бородинском поле — там звучали его стихи и песни. Пели жители Можайска, города Святого Николая, в хоре с членами Союза писателей России: «Много раз тебя пытали: быть России иль не быть. Много раз в тебе пытались душу

русскую убить. Но нельзя тебя, я знаю, ни сломить, ни запугать. Ты мне, родина родная, вольной волей дорога!»

Как и во Ржеве, где его песня стала гимном города-героя: «Под Ржевом от крови трава на века порыхлела, под Ржевом поныне шальные поют соловьи о том, как под Ржевом, под маленьким городом Ржевом, великие, долгие, тяжкие были бои...»

Потом мы были в Белгороде на кинофестивале «Золотой Витязь», и здесь «на Прохоровском поле — тишина, простая и святая, как молитва. Неужто тут и впрямь была война, за Родину, за нас с тобою битва!» — гремела песня Михаила Ножкина.

А люди? Люди, разные по национальности, по характеру, по культуре, но русские по духу, — все сливаются в едином русском слове его песни, и получается огромная ратная сила хора, готовая пойти в «Последний бой». И так везде, по всей России и за пределами её. Вот, например, в Италии... Недавно я проехала по следам великого русского полководца Александра Суворова. В маленьком городке Ломелло, внутри древнего монастыря стоит его бронзовый бюст. И такой он тёплый и родной, наш генералиссимус, что я невольно дотронулась до него рукой и запела... Мне казалось, что проносится сейчас Александр Васильевич, он бы с удовольствием нам всем подпел: «Ещё немного, ещё чуть-чуть... Последний бой — он трудный

самый. А я в Россию, домой хочу, я так давно не видел маму...» А потом бы подмигнул мне и сказал: «Ай да Ножкин!»

Да, я счастлива смотреть на мир глазами помощницы Михаила Ножкина. А тут ещё одна недавняя встреча поразила меня прямо в сердце, встреча двух стихий: земли и океана. Такого я ещё нигде не видела!

На станции метро «Павелецкая» нас с Михаилом Ивановичем встретил человек небольшого роста с тросточкой в руках. Назвался Александром Викторовичем. Он проводил нас до одного московского двора, внутри которого стояло чудо — часовня Николая Чудотворца, окружённая небольшой крепостной стеной.

У стены стоят скульптуры русским героям: Ермаку, Ушакову, Нахимову, а прямо у входа — Распятие Святого апостола Андрея и Сергия Радонежского. Ворота открылись, и навстречу нам буквально вылетел священник. Чудосвященник! Отец Фёдор.

Он — великий мореплаватель, капитан дальнего плавания, который прошёл много раз по всем морям и океанам земного шара, первый и единственный в мире человек, достигший двух полюсов нашей планеты. Он — первый россиянин, который смог подняться не только на вершину Эвереста, но на все высочайшие горы нашей Земли. Он тот, кто достиг мыса Горн. Он тот, кто совершил одиночное плавание вокруг Антарктиды и много ещё удивительного и великого... Он — скульптор и художник, автор более 3000 картин. Он — член Союза писателей России, заслуженный мастер спорта. Он — простой, скромный человек по имени Фёдор Филиппович Конохов, который родился 12 декабря 1951 года на берегу Азовского моря. Настоящий земной человек с морским характером, светлой душой и небесно-голубыми глазами. А православным священником отец Фёдор стал совсем недавно. И это ещё один удивительный факт в жизни великого путешественника!

Я наблюдала, с какой необычайной радостью встретились два русских легендарных человека: Михаил Ножкин и Фёдор Конохов. Они обнялись, как братья-близнецы, которые встретились после долгой мучительной разлуки, пройдя каждый по отдельности сквозь огонь и воду... Встретились два героя Одиночного плавания!

Сначала отец Фёдор повёл нас в

«За свою жизнь я понял, что радость жизни определяется действием, попыткой, усилием, а не успехом».
Фёдор Конохов

часовню, чтобы поставить свечи и приложиться к частичкам мощей великого адмирала Фёдора Ушакова и другим святым реликвиям, а потом пригласил на верхнюю палубу своей яхты-обители.

Удивительна постройка этого мини-монастыря! На нижней палубе находится келья отца Фёдора, столовая и ещё какие-то помещения, а на верхней — студия священника с иконостасом и собственными картинами. На стене висит икона святого великомученика Николая Конохова, предка отца Фёдора (всего у него в роду пятеро святых предков). Теперь понятно, откуда ему идёт помощь и защита божия, без которой простому человеку невозможно совершить столько достижений и подвигов во славу человека! Рядом стоит икона святого Фёдора Ушакова, икона Святителя Николая Чудотворца и много-много других священных ликов. Дубовые столы и стулья, лавки, кресла... Да и вообще всё, как на яхте.

Друзья, конечно же, обменялись книгами. Подарок перепал и мне. Представьте, какое счастье получить в подарок книгу Фёдора Конохова «Под алыми парусами»! Да ещё с его автографом: «Оля! Желаю вам пройти свой духовный мыс Горн!» Так и захотелось сразу встать под алый парус и полететь навстречу бурному океану... «Во свою первую кругосветку я отправился движимый, в первую очередь, любопытством и спортивным азартом. Все последующие кругосветные плавания — чтобы узреть Господа Бога...» — пишет в своей книге автор.

Михаилу Ивановичу досталась книга «Океан — моя обитель», где Конохов написал: «Михаилу Ножкину, моему другу с 1969 года. Желаю пройти свой духовный Эверест — 8848 м». В свою очередь Михаил Иванович подарвал отцу Фёдору свой двухтомник и пять дисков со своими песнями. Боже мой, как же по-детски искренне обрадовался такому подарку великий путешественник. Он сказал, что с песнями Михаила Ножкина ему легче преодолевать самые суровые и опасные части Мирового океана. Такая оценка дорогого стоит!

Ну и что? Вы думаете, на этом закончились героические путешествия Фёдора Конохова? Да ничего подобного! Совсем недавно теперь уже священник отец Фёдор снова поднялся на самую высокую вершину мира — на Эверест!

Причём поднялся по самому опасному, труднодоступному, почти вертикальному северному склону! Да ещё при этом поднял и укрепил на высоте около 7000 метров двухметровый православный крест! А потом добрался до самой вершины Эвереста и развернул там, на высоте 8848 метров, Андреевский флаг! Разве это не чудо?!

Друзья долго беседовали за чашкой чая. Михаил Иванович тоже много чего интересного поведал отцу Фёдору и его друзьям, которые находились рядом. Прочитал им своё стихотворение «Киевская Лавра»: «В борьбе мы закалялись с давних пор, единство наша сила велика. Вовек не заглушить наш мощный хор. И вместе с Лаврой нам стоять века!»

Все слушали его внимательно и с глубоким интересом, особенно рассказ о малоизвестных фактах из давней истории России, в частности из жизни ещё одного великого русского путешественника, генерала военной разведки Русской императорской армии Николая Михайловича Пржевальского.

Беседа закончилась тем, что решили установить в обители отца Фёдора отдельную памятную доску этому великому путешественнику и разведчику! А что касается малоизвестных фактов из его жизни, об этом отдельный разговор...

На прощание отец Фёдор благословил нас с Михаилом Ивановичем, и от прикосновения его руки к моей голове у меня по всему телу пробежала какая-то горячая внутренняя сила — Божественная сила Любви! Поистине верна поговорка, что все люди приносят счастье: одни — своим присутствием, другие — отсутствием... Присутствие на нашей планете таких живых гигантов, как Фёдор Конохов и Михаил Ножкин, должно приносить людям счастье!

Счастье, потому что у человечества есть шанс очиститься от скверны! Как называет своим потомком отец Фёдор: «Внутри вас течёт русская кровь. Не забывайте об этом. Вы те, кто знает родной язык, великий русский язык, данный великому народу. Кто знает свою историю, её великие страницы. Кто чтит родных героев и православных святых. Кто верит в Бога. Кто верен русской православной церкви!»

Мне же добавить больше нечего...

Оливия СКАНТА